

Аркадий ВАКСБЕРГ

БЕЗУМНЫЙ ЛЮБОВНИК

Личная жизнь советских знаменитостей, тем более политических (а Горький как раз относился к их числу), всегда была под запретом для партийных историков. Имел ли право хоть кто-нибудь, пусть мимоходом, коснуться личной жизни Ленина? Или Сталина? Их «личная жизнь» сводилась биографами к тому, что у каждого были «законные жены». И только! По советским канонам Горький относился к тому же ряду. Но его «личная жизнь» в это прокрустово ложе никак не влезала. «Законно» женат он был единственный раз, не разводился, другие женщины, всемирно признанные его женами, им самим таковыми названные, оказывались по этой логике вообще неизвестно кем, хотя издать их из его биографии было тоже нельзя. Одной досталось положение «друга и спутницы жизни», другой — секретаря. А иным и вообще ничего не досталось, их вроде и не было вовсе. Но они были! Настало время не только назвать их (названы-то они давно!), но и определить место, которое реально они занимали в жизни писателя.

Веч. кнужб. - 1998 - 28 нояб. - с. 11

Она была первой

Лишь в последнее десятилетие начали делаться попытки разобраться в этой «потайной любви», из которой сам Горький не делал никакой тайны, в судьбе всеми забытой женщины, чей след незримо присутствует и в творчестве Горького, и в его внутреннем мире.

Речь идет о его первой жене. Именно так — первой жене, а не только первой любви. Ибо в документальном рассказе «О первой любви» Горький несколько раз называет своей женой героиню, зашифрованную именем «Ольга К.». Ее полное имя — Ольга Юльевна Каминская, урожденная баронесса Гюнтер, дочь нижегородского врача и сама по профессии медик: на жизнь Ольга Юльевна зарабатывала, работая акушеркой.

Познакомилась она с Горьким, который был на пять лет моложе, чем она, уже будучи дважды замужем. От первого мужа, Фомы Каминского, у нее была дочь — тоже Ольга. Со вторым, бывшим ссыльно-поселенцем польского происхождения, Болеславом Корсаком жила в гражданском браке и бросила его, познакомившись с никому тогда не известным своим земляком Алексеем Пешковым, которого она называла Леня. Писателя Горького тогда еще не было и в помине — до первой публикации под этим псевдонимом — рассказа «Макар Чудра» — оставалось целых три года.

Их пятилетний любовный роман делится на две части. Первая — счастливое двухлетнее супружество под одной крышей, когда Ольга в свободное от работы время помогала Пешкову в литературных опытах, редактируя его рассказы и многократно переписывая их. Вторая — когда Горький попытался восстановить их распавшийся союз после своих скитаний по России. Союз распался из-за острой горьковской ревности: отчаянно влюбленный в Ольгу Болеслав Корчак забрасывал ее письмами, а она, хоть и не отвечая, осмеливалась их читать, к тому же в присутствии «Лени».

Много лет спустя дочь Ольги Каминской — Ольга Ивина-Лошак — воспроизвела рассказ своей матери: «Я прибилась в столовой после вчерашних гостей и, стряхивая скатерть, увидела нераспечатанное письмо от Болеслава. Оставила веник, принялась читать. И вдруг почувствую, Леня здесь. Я подняла голову. Он вырвал письмо, разорвал. Схватил кресло, бросил мне в голову. Не попал. Я вылетела в переднюю, оттуда в сад и на улицу. Удар был силен. Дверная рама покривилась <...> Не увернулась бы я, Леня меня бы убил <...> Через три дня <...> я решила вернуться домой. Меня встретила Аннушка «сухарка» в слезах: «Ольга Юльевна! Спасите его! Он не ест уже три дня. И все лежит на кушетке лицом к стене и молчит». Я вошла в комнату Лени. Он не повернул головы. Я встала на колени, опустив руки на его плечи. Обняла за шею. Он молчал <...> Аннушка подала обед <...> Он пришел в столовую, но ни слова не произнес. И целый месяц он молчал. И наконец сказал: «Я много раз просил тебя заставить Болеслава Петровича перестать писать тебе жалобные письма. Они мешают мне работать. Я в брак с тобой принял твою дочь, ты приняла, как родное дитя, мою литературу. Больше в нашу семью нам никто не нужен». И еще Леня сказал: «Я хочу быть настоящим писателем, а из-за этих дурацких писем я не могу работать. Если Болеслав будет тебе писать, я так и останусь только газетным писакой, а в обществе — только твоим безумным любовником».

Болеслав, однако, продолжал писать, и «Леня» решил, наконец, бросить свою Ольгу, отправившись сначала в Самару, потом, через разные города и села, — в Тифлис. Ольга в отчаянии уехала в Париж к Болеславу, но, как обычно бывает, из попыток вернуть прошлое ничего не вышло — некоторое время спустя она тоже была в Тифлисе. К тому времени «Леня» стал «Максимом Горьким». Прежняя любовь вспыхнула с новой силой. «Леня» вознамерился забыть прошлое и начать новую жизнь. Прерванное было супружество возобновилось

опять в Нижнем Новгороде — в общей сложности оно длилось пять лет. Потом они расстались, теперь уже навсегда.

Почти тридцать лет спустя до Горького дошли слухи, что Ольга умерла. Тогда-то и написал он рассказ «О первой любви», воспроизведший его версию их счастливо-несчастливого брака. Рассказ восхитил Романа Роллана и Стефана Цвейга, но больно поразило отнюдь не умершую Ольгу Каминскую, которая прочитала его в журнале «Красная новь». Прочитала как бы чужую историю, ибо то, что было на самом деле, и то, что стало литературой, весьма существенно расходились друг с другом.

Семейная драма

Женщина, признанная его первой женой официально, — единственная, которая носила его фамилию, — познакомилась с Горьким через год после того, как он окончательно расстался с Ольгой Каминской. Произошло это в Самаре, где она работала корректором в местной газете.

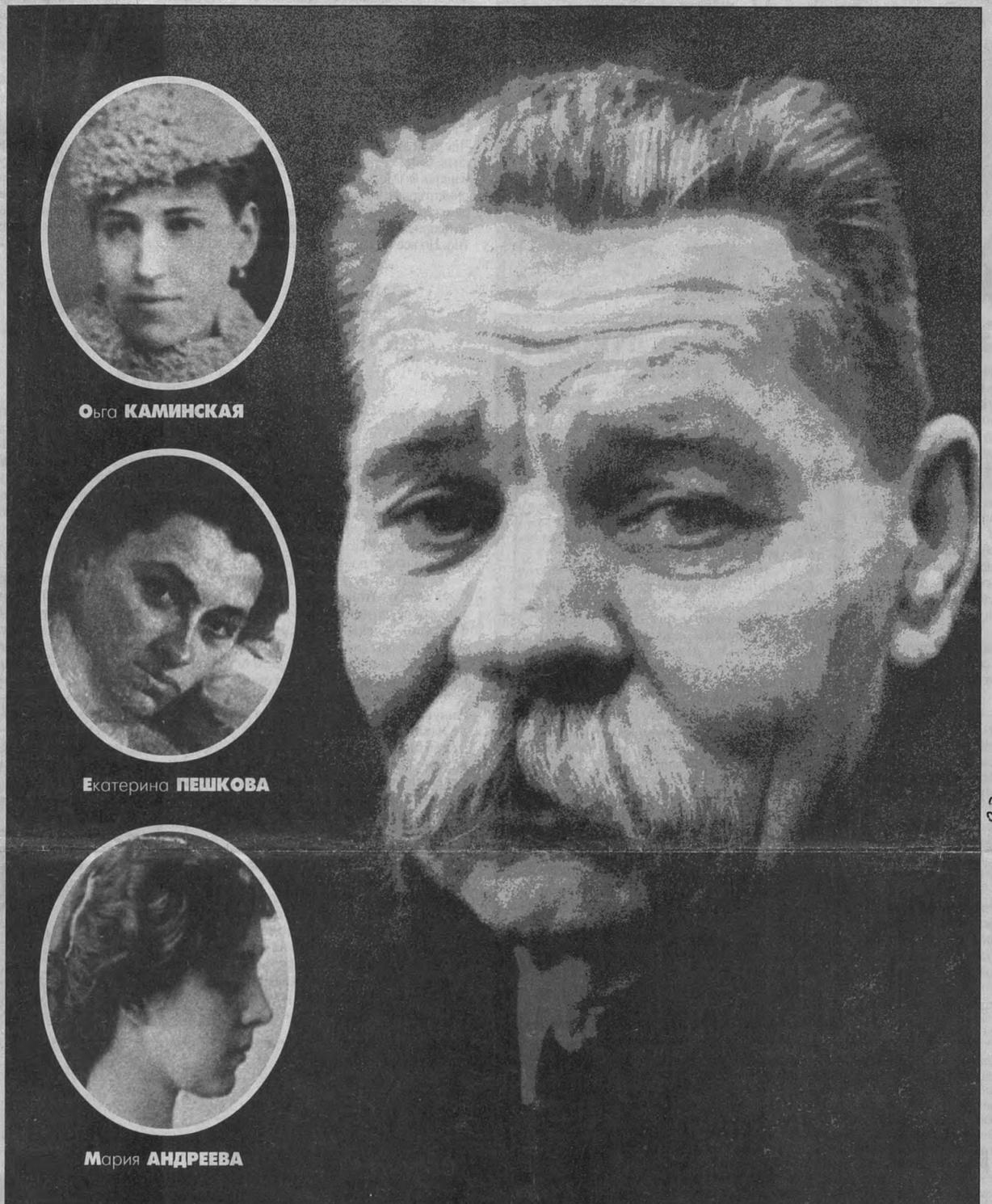
Екатерина Волжина была на восемь лет моложе Горького. Она родилась в русской части Украины, на Харьковщине, в семье мелкопоместного дворянина и относилась к довольно широкому для того времени кругу образованных, начитанных девушек, для которых были небезразличны людские беды. Чем-то она походила на тех, известных по литературе, «русских курсинок», что были одержимы стремлением делать любое, доступное им, пусть небольшое, но реально осязаемое добро.

Год спустя все еще «начинающий», но уже профессиональный литератор и корректорша местной газеты, которой исполнилось двадцать лет, поженились, Катя Волжина стала Екатериной Пешковой. Под этим именем она и войдет в историю отнюдь не только как жена прославленного писателя. Пока, впрочем, она была еще только жена, подарив своему мужу одного за другим двух детей — сына Максима (родился в 1897 году) и дочь, вопреки суеверным приметам, названную тоже Катей (родилась в 1901-м). Приметы сбылись: дочь умерла ребенком, и всю родительскую любовь и мать, и отец перенесли на сына.

Тем временем слава Горького росла с неслыханной быстротой. Он выдвинулся в число первых писателей России, встав, хотя бы по мере своей популярности, в один ряд с Толстым и Чеховым, которые с полным расположением отнеслись к молодому собрату. Ему было лишь немного за тридцать, когда он стал академиком и сразу лишился этого звания по приказу царя, что не убавило, а напротив, прибавило ему славы. Лучший из лучших театров страны — Московский Художественный — принял к постановке его пьесу «На дне», премьера которой состоялась в декабре 1902 года. Почти сразу же она начала триумфальное шествие по театрам всего мира.

Знакомство Горького с «художественниками» состоялось еще раньше — в Ялте, куда в 1900 году театр привез на гастроли спектакль «Дядя Ваня», чтобы показать его Чехову, здоровье которого не позволяло ему ехать в Москву. Здесь же — и по тем же причинам — жил тогда Горький, оставив в Нижнем Новгороде жену с двумя детьми. Смущенно, но без зависти, наблюдал он, как Чехов ухаживает сразу за двумя актрисами — Ольгой Книппер и Марией Андреевой. Счастливым билетом достался тогда Книппер. Достаться Андреевой он не мог — не только потому, что деликатнейший Чехов никогда бы не вторгся в чужую семейную жизнь: он вообще не был ЕЕ мужчиной. А Горький, получается, был. Год спустя, в пьянящей атмосфере театральных кулис, когда шли репетиции его пьесы, югдские знакомство возобновилось. Несравненная Ирина из чеховских «Трех сестер», Андреева была теперь Наташей в «На дне» — участие в его спектакле знаменитой артистки, вполне очевидно неравнодушной к нему, кружило голову еще больше. Роман завязался сразу и развивался стремительно. В самом начале 1904 года в семье Горького произошло разрыв.

Отголоски семейной драмы можно найти в письме Горького

Ольга КАМИНСКАЯ

Екатерина ПЕШКОВА

Мария АНДРЕЕВА

к его общей с женой приятельнице Елене Малиновской от февраля 1904 года. В нем же отчетливо проступила и еще одна черта его неуступчивого характера, которую люди склонны обычно, не всегда притом справедливо, считать эгоизмом: решительность, бескомпромиссность, готовность на все ради нового чувства. Как мы увидим впоследствии, то была, быть может, единственная сфера, где он отвергал двойную жизнь — вел себя, повинуюсь только своим желаниям, и ни с чьим мнением не считался.

«... Что касается до моих отношений к Е-«катерине» П-«авловне», — писал он Елене Малиновской, — этого словами не поправишь, а только запутаешь еще больше. Отвечать на ее отношения ко мне — ненормальные теперь, то есть новые для нее и для меня — мне нечем. Она несколько опоздала, в данное время я хочу одного — одиночества, отдыха. Полагаю, что имею право на это. Мне несколько непонятно, почему именно я могу помешать кому-то — в данном случае Е-«катерине» П-«авловне» — жить своей личной внутренней жизнью?»

«...» Для меня, в сущности, дело ясно — кто-то из двух должен пожертвовать частью своего «я» в пользу другого — так? Я солгал бы себе и другим, если б взял это на себя — свободно жертвовать, не насилая себя, — я теперь не могу».

Окончательно поняв, что разрыв уже свершился и что он неوبرатим, Пешкова с двумя малолетними детьми выехала в Берлин. Формально — для лечения. Фактически — спасаясь от обтачки, которая стала ей ненавистна.

Невенчанная

Мария Юрковская, по мужу Желябужская, по сцене Андреева, была на четыре года старше Ека-

терины Пешковой. Жена крупного государственного чиновника, имевшего равный генеральскому гражданский чин тайного советника, она, как и Пешкова, была матерью двух детей — восьмилетней Екатерины и шестилетнего Юрия, который станет впоследствии видным советским кинооператором. Воспоминания современников и сохранившиеся ее фотографии и волосы отличались несколько холодной, но оттого еще более привлекавшей к себе красотой. Наконец, не в пример коллегам, тем более таким, которые уже списали профессиональный успех, она тяготела к политике и активно ею занималась, о чем никто из ее окружения сколько-нибудь точно понятия не имел: известная артистка Мария Андреева была на стороне социал-демократов, причем того их крыла, которое вскоре назовет себя большевистским.

Фабрикант Савва Морозов был влюблен не только в Художественный театр, но и особенно сильно в некоторых его сотрудников. Прежде всего — в Марию Андрееву. Была ли эта влюбленность лишь возвышенной и платонической? Кто знает... В любом случае она не переставала быть влюбленностью. Горький отчаянно ее ревновал, когда в судбонские дни января 1905 года (расстрел мирного шествия в Петербурге — «кровоное воскресенье») не мог вырваться в Ригу, где гастролировали «художественники», а Морозов поехал туда же — сопровождать то ли театр, то ли Андрееву, то ли их всех вместе. Так или иначе, именно чувствами, а не разумом, тем менее — трезвым расчетом, определялось его, поражающее многих, щедрое меценатство. Теперь любовь к Андреевой и любовь к Горькому, к которому он относился с почтительным по-

клонением, кинула фабриканта в объятия большевиков.

Через Андрееву и служившего у Морозова инженера-большевика Леонида Красина в партийную кассу потекли деньги капиталиста. Семье удалось признать его по суду душевнобольным и лишиться тем самым возможности сорить деньгами. Интерес к нему Марии Федоровны и Алексея Максимовича сразу иссяк. Покинутый всеми, загнанный в тупик, Савва Морозов покончил с собой выстрелом в сердце, которое он, чтобы не промахнуться, предвзительно обвел химическим карандашом. Впрочем, новейшими изысканиями эта версия довольно убедительно ставится под сомнение. Очень велика вероятность того, что Морозов был просто убит — лично Красиным или при его ближайшем участии. Вскоре столь же загадочно «покончит с собой» племянник Морозова, фабрикант Николай Шмит, оставив завещание на полтора миллиона рублей в пользу большевиков. Кто поручится за то, что оно было подписано добровольно?

Горький прислал на гроб Саввы венок, он был обвит лентой с надписью: «Другу». После гибели Морозова остался страховый полис на предьявителя, заблаговременно переданный им Андреевой. Этот полис принес ей сто тысяч рублей — гигантские деньги по тем временам! Из них шестьдесят тысяч она передала в партийную кассу. В сущности, это было их общее с Горьким дело — общий вклад в ленинский фонд.

Трудно гадать, втянулся ли бы Горький в большевизм и без участия Марии Федоровны, или она, и только она, сыграла в этом ведущую роль. Но то, что эта роль была очень значительной, вряд ли подлежит сомнению. В их общей с Андреевой по ленинскому заданию поездке в Соединенные Штаты для сбора денег (опять-таки

денег!) на партийные нужды видна ее направляющая рука. Рука, которую, в свою очередь, направлял Ленин. Дабы следить за обоими, Ленин отправил в США и свое доверенное лицо — большевика Николая Буренина, которому Горький на своей фотографии сделал такую загадочную надпись: «Товарищу по охоте за всякой дичью...»

Это путешествие тяжелым камнем легло на душу. Газеты подняли шум, что Горький, бросив законную жену с двумя детьми, приехал с невенчанной. Была ли в этом только манифестация дремучего ханжества? Или тривиальная погоня за газетной сенсацией? Или еще и политическая подоплека — ведь о том, на что пойдут заработанные писателем от его выступлений деньги, прозвучать было не так уж трудно? Но, как бы то ни было, супругов, не признанных слишком моральным обществом, изгнали из гостиницы, где они жили, не принимали ни в одну другую, и им пришлось искать крова у почитателей и друзей.

Унижения, которым в Америке из-за Горького подвергли Андрееву, были для нее тем опутимей, что именно из-за него звезда лучшего театра страны на вершине успеха и с реальной перспективой творческого роста под руководством Станиславского и Немировича-Данченко оставила страну, превратившись для всех в «просто» невенчанную жену, а для иных, особо злобствующих пуритан, фанатичных хранителей высокой морали, трактуемой ими на свой, разумеется, лад, — и еще того хуже: в сожигальницу знаменитого изгнанника. Для совместной жизни Горький и Андреева избрали Италию, остров Капри, пленивший их не только красотой и покоем, но прежде всего климатом, так подходящим для незалеченного горьковского туберкулеза.

Из документального романа «Гибель Буревестника», который в декабре этого года выйдет в издательстве «Тerra. Спорт». С сокращениями. Заголовки даны редакцией «ВК».